

Пасхальное чудо в наше время (Лиза Иванова)

В одном маленьком городке жил мальчик по имени Алёша. Ему было восемь лет, и он очень любил праздники, особенно Пасху. В этот день всегда было так весело: бабушка пекла вкусные куличи, мама красила яйца, а папа рассказывал истории о том, как Иисус Христос воскрес. Но в этом году всё было по-другому.

Дело в том, что Алёша заболел. У него была высокая температура, и врач сказал, что ему нужно оставаться в постели. Мальчик очень расстроился. Он смотрел в окно и видел, как другие дети играют на улице, бегают с крашеными яйцами и смеются. Ему казалось, что он пропускает самое важное.

— Мам, а почему я не могу пойти на улицу? — спросил он, надув губы.

— Ты же знаешь, что тебе нужно выздороветь, — ответила мама, поправляя ему одеяло. — Но Пасха — это не только куличи и яйца. Это праздник, который можно отмечать и дома.

— Но как? — вздохнул Алёша.

— А ты помнишь, что случилось в первый день Пасхи? — спросила мама.

— Конечно! Иисус воскрес! — ответил мальчик.

— Правильно. И это самое главное чудо. Давай я расскажу тебе историю, которая произошла в наше время, но очень похожа на то, что было тогда.

Мама села рядом с Алёшей и начала рассказывать:

— Жила-была девочка по имени Маша. Она была очень доброй и всегда помогала другим. Однажды она узнала, что её соседка, бабушка Анна, заболела и не может выйти из дома. Маша решила сделать для неё что-то особенное на Пасху. Она испекла кулич, покрасила яйца и принесла их бабушке. Когда бабушка Анна увидела подарок, она заплакала от радости. Она сказала: «Спасибо, Маша. Ты как ангел, который принёс мне свет в этот день».

— И что было потом? — спросил Алёша, широко раскрыв глаза.

— Потом бабушка Анна выздоровела, и они с Машей стали ещё ближе. Маша поняла, что Пасха — это не только про то, чтобы получать подарки, но и про то, чтобы дарить радость другим.

Алёша задумался. Ему стало немного стыдно, что он так расстраивался из-за своей болезни. Он посмотрел на маму и сказал:

— Мам, а давай сделаем что-то особенное для кого-то ещё? Например, для дедушки Василия? Он ведь тоже одинокий.

Мама улыбнулась:

— Отличная идея! Давай испечём для него кулич и покрасим яйца. А ещё можем нарисовать открытку.

Весь день Алёша и мама готовили подарок для дедушки Василия. Когда всё было готово, они позвонили ему и попросили зайти. Дедушка был очень удивлён, когда увидел, что Алёша, несмотря на болезнь, думает о нём.

— Спасибо, Алёша, — сказал дедушка, улыбаясь. — Ты настоящий герой. Ты знаешь, что сегодня произошло чудо? Ты напомнил мне, что Пасха — это время, когда мы можем делиться любовью и радостью.

Алёша почувствовал, как его сердце наполнилось теплом. Он понял, что Пасха — это не только про куличи и яйца. Это про то, как Иисус Христос воскрес и подарил всем людям надежду. И даже если ты болен или одинок, ты можешь стать частью этого чуда, если поделишься своей любовью с другими.

С тех пор Алёша каждый год вспоминал эту историю и старался делать что-то доброе для тех, кто в этом нуждался. И он знал, что Воскресение Христово — это не просто праздник из прошлого, а чудо, которое происходит здесь и сейчас, в наше время.

Воскресение (Алексей Зикмунд)

Из глубины могучей драмы
Всходила вещая звезда.
К воде своей всё шли упрямо
всегда уставшие стада.
Ещё намечено пунктиром
то, что должно произойти.
И Вифлеем не узнан миром
под неусыпное «Прости».
Ещё и казни не свершились,
но всё уже произошло.
И всё в прелюдии открылось,
и стало страшно и светло.
Во все концы земного мира
летела весть, что Божий суд
через все суды земного Мира
на Землю ангелы несут.
Что этот суд не будет кратким,
он будет долгим как века,
которым нет числа, и в схватке
за Мир лишь Божья рука.
Звезда в далёком в Вифлееме
во имя вечности взошла,
чтоб причастились народы
от Божьей крови и ума.
Пока сей мир подлунный длится,
пока Вселенная живёт,
Христа нетленная десница
нам зажигает небосвод.
И много звёзд пред Воскресеньем
на небосвод теперь пришли,
и в каждом сердце человеческом
приют для Вечности нашли.
Вот таково преображение,
где силой Божьей благодать
всегда найдёт дороги
и жизнь, что следует познать.

08 апреля 2025 года.

Воскресение (Мария Тараканникова)

Человек хохотал. Запрокидывая голову и прижимая костлявые руки к вздувшемуся животу. Все его истощенное тело трясло от этих сокрушительных звуков, а окружавшие площадь дома нервно вздрагивали. Их пробивала дрожь.

Человек хохотал и не мог остановиться. Женщины, закутанные в дырявые платки по самые уши, испуганно отворачивались и старались пройти как можно скорее. Дети жалобно подвывали от голода и страха. Два седых мужчины - один одноногий, второй с изуродованным лицом - пытались успокоить человека: уговаривали, перекрикивали, били по щекам.

Где-то взвилась сирена.

Человек протяжно взвыл и обвис на руках мужчин.

Когда его положили на мостовую, лицо уродовала страшная гримаса тщетных попыток остановить истерический смех. Глаза закатились. Тело быстро леденело.

Надя отошла от окна, старательно закрыв образовавшуюся дыру.

Очень хотелось есть. А еще больше спать. Но спать нельзя, мама строго-настрого запретила. Маму надо слушаться.

Надя взяла с полки оставшуюся книгу, по слогам прочитала непонятное название. Медленно оторвала последнюю страницу, сунула в печку-буржуйку. Пламя удовлетворенно слизнуло ветхую бумагу, потрескивая, потребовало еще. Надя подкинула новую страницу, протянула к огню озябшие руки.

- Когда придет мама? – обратилась девочка к печке, но та молча жевала листы.

Надя потерла кулачками глаза, огляделась, медленно и обиженно продолжила:

- Мама обещала, что сегодня мы пойдем в храм. Она сказала, так надо, потому что там Пасха. Интересно, Пасха даст мне хлеба? Должно быть, да, иначе зачем к ней идти...

Девочка опустила в пламя еще страницу, отложила книгу в сторону.

Ее шаги гулко отдавались в пустой комнате, хотя Надя была легкая, как перышко. От этого вечного эхо ей становилось еще более одиноко и страшно. Она подошла к холодной сырой стене, у которой покрытая носовым платком лежала кукла. Кукла была старая. Надя звала ее Ветеранка, хотя выговорить это слово ей было непросто. Непослушными пальцами девочка отерла грязное тканевое лицо, вгляделась в голубые распахнутые глаза своей единственной слушательницы:

- Ты всегда улыбаешься, - задумчиво произнесла она, - даже когда тебе грустно. И никогда не ешь, сколько тебя ни корми. И не спишь, сколько ни укладывай. И всегда улыбаешься...

Крепко прижав к груди куклу, Надя вернулась к печи.

- Скоро придет мама, и мы пойдем к Пасхе, - назидательно сообщила она Ветеранке и снова принялась ждать.

Пламя трещало, мелкие язычки вспыхивали, тускнели, гасли. Желтые и рыжие, лисьи хвостики...

Вчера Надя видела, как умер их с мамой сосед. Он по диагонали пересекал площадь, шел все медленнее и медленнее. Спотыкался, с трудом удерживал равновесия. А потом устало присел на колени, поднял руку ко лбу, поднес ее к животу и, не доведя до правого плеча, умер. А вокруг шли уставшие женщины, и ни одна не обратила внимание.

Мама рассказывала однажды брату, как не смогла выйти на улицу, так как у самой двери лежали люди. Гора людей, - представила девочка.

А сейчас брата нет. Мама говорит, что он ушел, но Надя нашла его в самой холодной комнате – в гостиной, в опрокинутом гардеробе. Он лежал совершенно такой ледяной, как и при жизни. Только больше не улыбался. Накануне он отдал ей свою порцию хлеба.

Надя погладила куклу по спутанным ниткам–волосам. Снова всмотрелась в ее жизнерадостное доброе лицо, и на душе посветлело. Мама скоро придет.

Говорят, умирать стали меньше...

Женщина спешила домой. В булочной она видела, как один мужчина с остекленевшими глазами и сине-фиолетовым лицом впился зубами в буханку хлеба. Его тут же оттащили и, кажется, забили насмерть. Будто это его воровство послужило сигналом к атаке. Сигналом, по которому люди превращаются в зверей.

Хорошо, что к тому моменту женщина уже успела забрать свою пайку.

На улице быстро темнело. Грязный снег мешал движению, забиваясь в обвязанную куском веревки обувь. Лицо кусал злобный порывистый ветер.

До дома еще два квартала, надо идти, - твердо решила женщина и, плотнее закутавшись в бабушкину шаль, пошатываясь, зашагала.

Взвыла сирена.

Женщина попробовала бежать.

Грязь путалась среди ног, тормозила. Увязая, женщина ощущала себе загнанной в болото дичью. Если не двигаться – утонешь. Если вернешься – убьют.

Впрочем, если пойдешь вперед, убьют все равно, это лишь вопрос времени и количества пережитых за это время смертей.

Круглое–круглое болото, равномерно затягивающее и стонущее, окруженное частоколом безжалостных солдат с взведенными автоматами.

Где надо выживать.

За окном привычно грохотало и взрывалось.

Кукла сползла с колен, печка почти догорела. Книга с глухим стуком рухнула на пол, но Наде не хотелось открывать глаза, чтобы целиком кинуть ее в печь или хотя бы просто поднять. Девочке было так хорошо, и голова так приятно опускалась на грудь. В глазах стояла сладкая дремота, за плечи обнимал сон, а в дверях ждала его сестра с длинным–длинным шлейфом из черной материи.

Никуда не надо идти, не надо спешить, путь уже окончен, оставайся, - мурлыкала дремота с масляной лукавой ухмылочкой. И сон важно поддакивал, а его сестра медленно и торжественно сделала первый шаг.

- Надя!

Дремота ослабилась и отступила. Видения растаяли, как дым.

- Надя, вставай! Не спи, нельзя спать!

- Мама, - сонно прошептала девочка и потянулась к ней худыми ручонками.

- Вставай! – волосы липли к вспотевшему от страха лбу, но женщина продолжала трясти дочь. – Вставай! Надо идти. Вот, поешь.

- Мы идем к Пасхе?

- Да.

- Она накормит нас?

Женщина странно посмотрела на дочь, улыбнулась каким-то своим воспоминаниям, кивнула:

- Она утешит нас.

Если не она, то кто? – хотела добавить женщина, но смолчала. Ей надо было попасть в храм. Жизненно необходимо, как поесть или согреться. Чтобы получить надежду,

потому что иначе уже завтра утром она просто не сможет заставить себя проснуться. Что тогда будет с Надей?..

Изо всех сил завывала сирена.

Мать и дочь пересекли улицу Пестеля и дворами направились к Спасо-Преображенскому собору. Идти через площадь они не рискнули – уже два часа не прекращалась пальба. Если все равно умирать, - подумала женщина, - пусть уж это будет в храме или по дороге, только не дома. Не на арене, в центре которой гибнет город, когда все дни сливаются в бесконечную серую вьюгу и сводятся к одному: выжить, ежедневно ища еды и дров, пока не кончились силы идти.

Девочка уже научилась не шарахаться при виде мертвецов. Теперь она мрачно обходила их, провожая виноватым взглядом. Не вздрагивала она и при свисте воздуха в крыльях бомбардировщиков и при оглушительных взрывах бомб, от которых, казалось, сотрясается земля. Сотрясается от ужаса и боли за своих чад. Одной рукой Надя крепко держалась за маму – пилой пили, не отпустит! Другой прижимала к себе потрепанную куклу, столько раз утешавшую ее слезы.

Женщина вела дочь обходными путями, настороженно пригибаясь к земле, как разведчица. Правой рукой она сжимала Надину маленькую ладошку, и от этого прикосновения каждый раз щемило сердце. К левому запястью был привязан небольшой узелок – кусочек хлеба, именовавшегося сегодня куличом, огарок свечи и Евангелие, которое Надя старательно пыталась спалить. Не со зла же, - знала женщина, - девочка просто замерзла, а другого топлива не нашла.

Несмотря на тревогу, густые ряды дыма от разрыва снарядов и непрерывный вой сирены, к собору со всех концов города тянулись люди. Некоторые пытались довести мертвых и раненых. Половина из них бросали трупы у паперти и сами, изможденные, валились рядом. Вход в храм венчала свалка полуживых мертвецов.

Женщина сглотнула, подавляя приступ тошноты. Нет, никогда не привыкнуть ей к этому виду, запаху. Никогда не свыкнуться с резкими тревожными звуками вражеских самолетов, с отблесками пламени после взрыва, с падающими фугасами. Никогда она не привыкнет к войне и всеми силами будет бороться против нее. Выживет ей назло. И дочь спасет. Обе выживут! Если проснутся завтра...

Перекрестив Надю, закрыв ей ладонью глаза от страшной картины, женщина вошла в храм. И все изменилось. За стенами осталась война. Грохотала, бушевала, злилась, приглушаемая ими и ими же не пускаемая внутрь. Единственный островок отдыха в колесе войны.

Людей было на удивление много. Встав у южного придела, женщина опустила голову и зажмурилась, чтобы быть как можно дальше от войны. Надя напротив смотрела во все глаза. У стены прямо на каменные плиты опустились старухи, уже лишенные сил стоять. Перед солеей опирался на покрытый бурыми пятнами костыль сутулый одноногий человек. У главного придела сидели две незнакомые женщины, одинаково седые и сгорбленные. Когда одна из них обернулась, Надя зажала рот руками – незнакомка была вдвое младше Надиной мамы. Девочка оглядела убранство храма, высокий купол, окошки. Особое внимание привлек старец на одной из икон южного придела. Он не отрываясь смотрел на Надю, а его взгляд был полон любви и сострадания. Девочка долго разглядывала этого дедушку, смущаясь от того, что в свете редких свечей он казался совсем живым. Вдруг ей страстно захотелось его обнять, она шагнула навстречу старцу, но тут храм наполнился чистым басом чтеца, и девочка робко отступила. Дедушка не обиделся – с добротой и пониманием смотрел на Надю, и от его взгляда ей делалось легко и спокойно. Она даже удивилась.

Сначала она усердно старалась слушать, но пономарь читал так долго и заунывно, а слова были такие непонятные, что Надя быстро устала, опустилась на корточки и достала свою куклу: пусть теперь Ветеранка за нее слушает.

В храме становилось душно и прело. Будто что-то вспомнив, девочка снова оглядела прихожан, недоуменно дернула маму за рукав:

- А где Пасха? Как она выглядит? Я узнаю ее?

- Она будет позже, - улыбнулась мама, не открывая глаз. – Ты ее почувствуешь.

И Надя принялась ждать. Иногда ей казалось, что она засыпает, но боязнь пропустить Пасху всякий раз взбадривала ее. Когда перед глазами все снова начинало плыть и не было сил разомкнуть веки, по плечу легко, но настойчиво хлопала мама, а Наде казалось, что это старец с иконы не позволяет ей спать. Она с благодарностью смотрела на него и улыбалась.

И вот когда сил не осталось не только у Нади, но и у всех прихожан, когда вздохи и хрипы стали чаще, когда почти никто уже не стоял, храм наполнился удивительным звоном бубенчиков и все замерли, внимая этому звону, ожидая чего-то, чего Надя никак не могла уловить. Чуда? Волшебства? Мира?

Вошел пожилой священник с закопченным кадилом, оглядел храм. И, нарушая эту натянутую тишину, прогремел своим могучим баритоном, усиленным в тысячу раз акустикой:

- Христос Воскресе!

Его голос звучал звонко и чисто, летел, порхал над каждым страждущим, вселяя надежду в отчаявшиеся, усталые от постоянного горя сердца.

Никто не знал, что сегодня утром в подвале храма этот священник отпевал свою жену. Не знал и в этот миг, пожалуй, не поверил бы.

И тут Надя поняла, что Пасха уже здесь. Вот она – стоит за спиной иерея и отражается в глазах доброго старца на иконе. Только вот это не Надя пришла к ней, а Пасха к Наде. Но гостя почему-то не может спуститься с солеи, не может войти. И помощь-то нужна именно ей!

Показалось, что дедушка с иконы задорно подмигнул, подбодрил: ты же знаешь ответ! И Надя, широко улыбнувшись ему, радостно закричала, разрубая тишину паствы, еще не поверившей, боящейся поверить настоятелю:

- Воистину Воскресе!

И хор голосов заплясал под куполом, становясь все увереннее, тверже, смелее.

Мама удивленно покосилась на Надю, ласково погладила ее по голове:

- Надежда ты моя!

Следующий возглас ободренные прихожане радостно приветствовали по всем правилам, довольно переглядывались, целовались. И уже готовы были ответить в третий раз, но храм озарился яркими вспышками, оставшиеся стекла со звоном рассыпались, а голос священника заглушил новый мощнейший залп зениток. По небу мельтешили вражеские самолеты, всюду грохотало, мелькали прожектора, отчаянно выла сирена, буквально выгоняя людей из храма. Все кинулись к выходу, но дверь завалило чем-то снаружи. Тогда открыли проход в подвал, и люди в страшной панике бросились туда.

Надя с мамой оказались подхвачены потоком и смыты в спасительное убежище. Здесь настороженно прислушивались к взрывам на улице. Кого-то рвало. Последним спустился настоятель, оглядел до смерти перепуганных людей, еще минуту назад кричавших «Воистину!», и затянул пасхальный канон. В голосе его сначала ощущалась дрожь, и люди морщились. Но вот он исправился, запел ровнее, и одна, две, три старухи подхватили молитву.

Вскоре все успокоились, насколько позволяла обстановка, и богослужение продолжилось в подвале. По окончании многие достали ломтики черного хлеба и свечи, и батюшка окропил их святой водой. Те, кто пришел с пустыми руками, отчаянно и горько смотрели на счастливых. С ними поделились. И на душе у Нади стало еще радостнее.

Одно обстоятельство очень беспокоило ее. Когда все притихли, а мамина рука немного ослабила хватку, девочка прокралась к священнику, осторожно потрясла его за колено. Прикорнувший было настоятель быстро открыл глаза, ласково подмигнул:

- Тебе чего?
- А как там дедушка? – беспокойно спросила Надя.
- Какой дедушка? – удивился собеседник.
- Ну тот, что на иконе. У него глаза добрые, и он все время на меня смотрел.
- Так-так.
- Он в черной одежде, а на шее как будто серо-синий шарф с рисунками. И пальцы вот так держит, - Надя изобразила подобие щепотки.
- Ах этот, - облегченно рассмеялся священник, - не волнуйся, девочка, батюшка Сергей не пропадет! И не в таких передрягах бывал.
- Да?
- Да!
- Ты слышишь, Ветеранка, - с замиранием выдохнула Надя, возвращаясь к маме. Кукла добродушно улыбалась.

Из храма вышли под утро, когда редкие жители окрестных домов принялись разгребать завалы. Оказывается, бомбили рядом: вся площадь была усеяна обломками и телами–скелетами, обтянутыми кожей. Серое солнце освещало пыль, густыми облаками висящую в воздухе, забивавшуюся в легкие.

- Есть хочется, - вздохнула Надя, сильнее прижимаясь к маме.
- Женщина едва стояла на ногах.
- Я выживу, - она сжала кулаки и повела дочь домой.

Мариам Тодирош

Весь мир молчит
Он в замер в ожидании -
Он умер вместе с Тем,
Кто в ад сошел.
И мы умолкнем
Вместе с каждой Божьей тварью;
Осознавая, Что произошло

Он умер на Кресте,
Нас всех прощая,
Моля Отца:
-Не ведут, что творят...
А мы сердца в тот вечер распиная,
Не знали, как вернуть нам
Все назад ...

Спаситель,
Ты три дня лежал во гробе,
На третью ночь Восстав
И Воскресив
Всех умерших до Лазаря
И ноне;
Всех совоздвигнув-
Мертвых и живых!

Сегодня Ты выводишь из потемков
Адама с Евой,
Праотцев ряды
И нас,
Омытых Той Святою Кровью;
И нас-
Молю: с собою заberi!

Мы вместе с миром
Замрем в ожидании
Одна лишь ночь
И разлетится крик,
как утром птица
Новый день встречает:
Христос Воскрес!
Да здравствует, Жених!

Сазонова Мариам, 23 года.

Авторы: дочка Мария (7 лет) и мама Анастасия.

Христос Воскрес!
Расцвела весна.
Иисус Воскрес!
Спасена душа.
Трезвонят птицы
Отрадой в сердце.
Светлой Пасхи!
Воистину Воскресе!
От счастья – песни!
Сегодня в Храме
Кулич и свечи,
Родные вместе,
Един Бог с нами.
Славим Христа, славим!

Дата создания строк: март 2025 год.

Мемуары ребенка (Мария Тараканникова)

Великая Отечественная застала Светлану в возрасте трех лет, поэтому воспоминания ее отрывочны и скудны.

Ее отец, Григорий Самуилович, проходил подготовку на военных курсах. В памяти трехлетней девочки навсегда запечатлелись его офицерский мундир, кожаный ремень и планшет – таким это казалось красивым. Брат отца погиб в самом начале войны, оставив жену и детей. Семья Светланы жила вместе с ними в одной двадцатиметровой комнате московской коммунальной квартиры. Всего восемь детей – тесно, но весело.

Детский сад закрыли, и мама отвезла дочку к бабушке-золотошвейке, Валентине Ивановне, в Красногорск. У бабушки помимо Светиной мамы, Елены Дмитриевны, было еще три дочери - Ира, Люба и Вера – и сын, Гена, он ушел на фронт.

Когда немцы подошли к Москве, началась еженощная бомбежка. Радио без устали объявляло одно и то же: «Граждане, воздушная тревога!». Бабушка хватала сонную внучку с постели, подготовленную заранее наволочку с сухарями, документы, и они вместе с Верой, Ирой и Любой бежали в Детский городок, где находилось ближайшее бомбоубежище. Было очень страшно. Темноту то и дело разрезали вспышки зениток, небо прочерчивали прожектора, выла сирена. Где-то алело марево пожара. Бомбежка никак не прекращалась.

Осенью сорок первого года большинство организаций, а также жителей Москвы – женщин, детей, стариков – было эвакуировано. Света с родными попали в первый поток эвакуации. Они ехали в грузовике по Владимировке¹. Выпал первый снег, и пассажиры страшно замерзли. К счастью, во время стоянок их встречали приветливо, организовывали ночлег и питание. В Казань въехали ночью. Светлану с мамой поселили в крошечную комнату. Остальных разместили по соседству, в комнатепобольше, где на всех хватало кроватей. Елена Дмитриевна устроилась на работу, а дочку отдала в детский сад.

Здесь они прожили недолго. Когда фашистов отбросили от Москвы, Григорий Самуилович устроил жене и дочери «вызов», они вернулись домой. В Москву ехали в теплушке², забитой солдатами. Один из них долго смотрел на девочку, улыбался, а потом вырезал ей из палочек две лопатки, которыми она еще долго играла.

Москва поразила большими, похожими на бегемотов, заграждениями³. Все окна были заклеены полосками бумаги, на ночь их закрывали плотными черными бумажными шторами. На улицах дежурили патрули – следили, чтобы свет не проникал из окон на улицу. В доме тоже были ночные дежурства: во время бомбежек жильцы выбегали тушить «зажигалки»⁴ на крышах домов.

¹Владимирский тракт, с 1919 года шоссе Энтузиастов, начало современной федеральной автомобильной дороги М-7 «Волга».

²Вагон с печкой-буржуйкой и дощатыми нарами.

³Видимо, имеются в виду газгольдеры (резервуары для хранения газообразных веществ, в данном случае водорода) для заправки аэростатов воздушного заграждения. Аэростаты, соединенные тросами, десятками, а то и тысячами поднимали в небо, выстраивая в шахматном порядке. Это препятствовало немецким бомбардировщикам с высоты менее двух километров прицельно бомбить Москву, создавая риск столкновения с самими аэростатами, а также с тросами. Иногда к тросам привязывали бомбы.

⁴Зажигательные бомбы. Обычно небольших размеров, весом 1-2 кг, что позволяет загружать их в бомбоотсек самолета огромное количество. Большая часть таких бомб падает на землю и сгорает, но те, что попадают на дома, расплавляют железо крыш за счет состава бомбы - термитной смеси с фосфором – который горит при огромных температурах. После чего расплавленный металл вместе с горящим термитом течет на деревянные стропила и перекрытия. Поскольку фосфор горит и в воде, потушить такую «зажигалку» трудно: дежурившие на крышах хватали ее специально приготовленными железными щипцами и бросали в ящик с песком.

Папа уехал на фронт, мама работала, Света вновь ходила в детский сад, и когда ей предлагали лечь спать, упорно отказывалась, до последнего ждала маму, приходившую очень поздно – так скучала. На лето детский сад опять закрыли, и пришлось вновь отправляться к бабушке.

Уже ближе к концу войны девочка впервые увидела немцев. В Красногорске возле плотины построили бараки для военнопленных⁵. Строем их водили мимо окон бабушкиного дома обедать на фабрику-кухню⁶. Мальчишки кидали в них камни и грязь, но наши солдаты им запрещали, прогоняли. Доселе детское воображение рисовало немцев страшными чудовищами, огромными, горбатыми и покрытыми волосами с ног до головы. Какого же было Светино удивление, когда они оказались обыкновенными людьми, разве что в другой форме!

Конечно, все наголодались во время войны. Хлеб привозили прямо из пекарни на лошади, за ней шел маленький жеребеночек, вызывавший восторг у детей. За хлебом Света и Вера ходили каждый вечер в бакалею. По карточкам семье полагалась одна буханка плохо пропеченного черного хлеба с маленьким довесочком, который съедался по дороге. Бабушке потом отвечали, что довесочка не было. Дома буханку делили на пять частей и разыгрывали самую вкусную – горбушку.

Очень выручал огорожок около дома и два участка земли, выделенные заводом для посадки картошки. В урожайный год собирали четыре мешка картофеля, один из них оставляли на семена, а остальное растягивали до нового урожая. В особенно голодное время дети собирали картофельные очистки под окнами фабрики-кухни и жмых на железной дороге, а Валентина Ивановна пекла из этого оладья.

Немцев гнали. После освобождения очередного города вечером небе вспыхивали салюты, перекрывающие сетки прожекторов.

Война кончилась во время тихого часа в детском саду. Вошли воспитательница, заведующая и объявили: «Дети, кончилась война!». Какой здесь сон! Раздалось такое ликование, что крик и радостные возгласы были слышны на улице.

Началась спокойная, мирная жизнь. Через год родилась Наташа, Светина сестра. Потом девочки выросли, создали свои семьи, завели детей, те – своих. И через сорок восемь лет родилась я. А еще через двенадцать нам задали школьное сочинение к девятому мая – воспоминания родственников о войне, - и я усадила бабушку Свету за стол. Прошло восемнадцать лет, и я вновь возвращаюсь к этим бесценным, хоть и кратким мемуарам, чтобы и они не канули в Лету.

Летит время, стирает память. Жалко все потерять. Все-таки целая жизнь, а что от нее осталось – несколько вещей да ошметки воспоминаний в сознании близких, но и те неумолимо стираются.

⁵В районе плотины на р.Синичка (сейчас здесь находится отель «Зенит») находилась первая зона лагеря для военнопленных, появившегося в Красногорске 7 марта 1942 г.(до этого в Красногорске существовал приёмно-пересыльный пункт). В этой зоне размещались военнопленные румынские, венгерские, японские и немецкие генералы, старшие офицеры и приравненные к ним лица.

⁶ Большая, хорошо оборудованная столовая. Предположительно, имеется в виду фабрика-кухня, расположенная по адресу г.Красногорск, ул.Октябрьская, 13, ныне торговый центр «Сливница».

Секрет старого сундука (Лиза Иванова)

В одном маленьком городке, где улицы были уютными, а дома словно улыбались прохожим, жил мальчик по имени Ваня. Ему было десять лет, и он очень любил слушать истории своей бабушки. Особенно те, которые она рассказывала перед Днём Победы. Бабушка всегда говорила, что это не просто праздник, а память о великом подвиге, который совершили люди много лет назад.

Однажды, накануне 9 мая, Ваня зашёл на чердак своего дома, чтобы найти старые игрушки. Там, среди пыльных коробок и забытых вещей, он заметил старый деревянный сундук. Он был покрыт слоем пыли, но на крышке всё ещё можно было разглядеть вырезанную звезду. Ваня попробовал открыть его, но сундук был заперт.

— Бабушка, а что это за сундук? — спросил Ваня, спускаясь вниз.

Бабушка взглянула на сундук и улыбнулась, но в её глазах появилась какая-то грусть.

— Это сундук твоего прадедушки, — сказала она. — Он был солдатом и прошёл всю войну. В этом сундуке он хранил свои самые дорогие вещи. Но ключ от него потерялся много лет назад.

Ваня задумался. Ему стало интересно, что же лежит внутри. Он решил, что обязательно найдёт ключ. Весь день он искал его по всему дому, заглядывал в каждый угол, но ничего не находил. Уже вечером, когда солнце начало садиться, Ваня заметил, что под ковриком у двери что-то блестит. Это был маленький, старый ключ.

Сердце Вани забилося чаще. Он побежал на чердак, вставил ключ в замок сундука и повернул. Сундук открылся с лёгким скрипом. Внутри лежали пожелтевшие фотографии, несколько медалей и старый блокнот. Ваня осторожно взял блокнот и начал листать. Это был дневник его прадедушки.

На страницах были записи о войне, о друзьях, о трудных днях и о надежде на победу. Ваня читал и представлял, как его прадедушка, такой же мальчишка, как он сам, но только много лет назад, шёл через леса и поля, защищая свою Родину. В одной из записей прадедушка писал: "Мы сражаемся не только за себя, но и за тех, кто будет после нас. За детей, за мир, за будущее".

Ваня закрыл блокнот и посмотрел на медали. Они блестели в свете закатного солнца. Он понял, что День Победы — это не просто праздник с салютом и песнями. Это память о людях, которые подарили им всем возможность жить, учиться, мечтать.

На следующий день Ваня пошёл с бабушкой к памятнику солдатам. Он положил цветы и сказал:

— Спасибо, прадедушка. Спасибо всем, кто защитил нас. Я никогда не забуду ваш подвиг.

С тех пор Ваня каждый год 9 мая приходил к памятнику, чтобы почтить память тех, кто подарил ему и всем детям мирное небо над головой. А старый сундук стал для него

не просто семейной реликвией, а напоминанием о том, что важно помнить свою историю и быть благодарным за каждый день жизни.

Лариса Лисицына. Член Союза Писателей России.

Жизнь – возрожденная из пепла!
Ликуй, цветы и побеждай!
Благословляй лучом рассветным,
Победный в сорок пятом – май!

Жизнь, прославляй своих героев!
Сражались за тебя они.
Не дай переписать историю,
Всю правду бережно храни.

Объединяй народы мира
Небесной Силой против зла.
Воспой любовь, святая лира!
Кружись, не исчезай, Земля.

Над изумрудом – голубое.
Так долгожданны эти дни!
И льется солнце золотое
С Пасхальной радостью весны.

Победа (Ксения Сазонкина)

День великий! Слава, победа!
Победили фашистов, ура!
Я когда - то спросила у деда:
- Дед, а что такое война?
Ты, наверное, дрался, как тигр?
Ты, наверное, бил врага?
Сколько ты положил фашистов?
Как победа была дорога?
- Знаешь, было страшно, Оксанка,
И повсюду ходила смерть...
Не спасала от пули землянка,
Не спасала окопная твердь.
Не спасала храбрость, отвага,
Не спасал защитный формы цвет
А спасала меня Вера в Бога
И молитва, и сердца свет.
Сердце билось, страха не зная,
Потому что в кармане моем
Оловянный крестик, не тая,
Защищал меня ночью и днем.
И войну я прошел,
И вернулся - весь изранен,
Но жив и здоров.
Потому что Богу молился,
Не страшился земных врагов!

Прадедушке Герою (дочка Мария (7 лет) и мама Анастасия Брагинец)

Меня зовут Мария,
И мне сейчас семь лет.
Хочу послать я в прошлое
Прадедушке привет!

Я знаю, он услышит
От правнучки слова:
«Дедуля, деда, дедушка,
Я так люблю тебя!»

Пусть лично не знакомы,
Нас развели года,
Мне мамочка поведала,
Кто предки у меня.

Отважный, сильный, смелый
Прадедушка Иван,
Прошёл войну достойно
И мир для нас создал!

В далёком сорок первом
Под мощным артобстрелом
Состав с боеприпасами
Дед с поля отправлял.
Прадедушка был ранен,
Но духом он не пал!

И в мае сорок пятом
С медалью «За отвагу»
Под голос Левитана
Победу он встречал.

Я так горжусь прадедом,
Его благодарю.
И в памяти, и в сердце
С любовью сохраняю!

Дата создания: весна 2025 год.